

Концептуальные основания социологии права П. А. Сорокина и М. Вебера¹

Арсений Краевский

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургский государственный университет. Адрес: Университетская наб., д. 7–9,
Санкт-Петербург, 199034 Россия
E-mail: a.krajewski@yandex.ru

Социолого-правовые теории П. А. Сорокина и М. Вебера объединяет принадлежность к условно выделяемому нормативистскому направлению в социологии права, однако для определения границ их применимости при анализе действия правовых норм необходимо прояснить вопрос о причинах их различий. Заметные различия двух теорий связаны не только с общими различиями соответствующих социологических систем, но и принципиально разными концептуальными основаниями социолого-правовых учений. Русско-американский социолог, развивая идеи Л. И. Петражицкого, рассматривал право как совокупность норм, имеющих определенное содержание — указывающих разрешенное и должное поведение путем распределения прав и обязанностей, мыслимых всегда неразрывно связанными. Такое понимание правовых норм позволяет содержательно отделить их от норм морали, этикета, технических норм и правил моды. Ключевым признаком права как особого вида легитимного порядка для М. Вебера является его принудительность, обеспечиваемая штабом, т. е. группой людей, специально нацеленных на принуждение к соблюдению порядка. В отличие от Сорокина, Вебер считал, что право и иные смежные явления различаются не на уровне отдельных норм, а на уровне нормативных систем (порядков). В центре внимания Сорокина — организованные группы, скелетом и душой которых выступают нормы, детерминирующие поведение участников группы и создающие ее структуру. Вопреки Сорокину, Петражицкому и Р. Штаммлеру Вебер полагал, что нормативная мотивация не самодостаточна и способна только влиять на человеческое поведение, но не детерминировать его. Различие представлений исследователей о значении нормативной мотивации может быть связано с фокусом внимания на активных обязанностях, в случае Сорокина, и на рамочной модели поведения управомоченного лица, в случае Вебера.

Ключевые слова: социология права, понятие права, организационная функция права, нормативная мотивация, П. А. Сорокин, М. Вебер

Социолого-правовые теории можно классифицировать по различным основаниям, но, возможно, важнейшая из них базируется на той роли, которая отводится правовым нормам. В этом смысле можно условно выделить нормативистские и анти-нормативистские социолого-правовые концепции (Weiberger, 1991: 178–180). Если в первых, как и в юридической науке в целом (классической и современной), нормы играют существенную и самостоятельную роль в описании правовых явлений, то для вторых нормы скорее вторичны по отношению к иным феноменам, таким как возникающие в обществе правовые отношения (Эрлих, 2011), понимаемые

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451: «П. А. Сорокин и немецкая социология: личные контакты и история взаимного влияния (1923–1957)».

Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

не-нормативно правовые институты (Ориу, 2013; Romano, 2017), правовые эмоции (Петражицкий, 2000), эмпирически устанавливаемое правовое поведение (Фридман, 2014; Волков, 2017) и т. д. Нормативное направление социологии права имеет особое значение для междисциплинарных научных исследований, соединяющих чисто юридический анализ норм с социолого-правовым анализом их действия в обществе. Крупнейшими представителями нормативистского направления в социологии права были выдающиеся социологи Питирим Александрович Сорокин и Макс Вебер. Оба классика внесли важный вклад в развитие социологии в целом и социологии права в частности, хотя для обоих, по-видимому, социология права имела второстепенное значение. В научной литературе представлены работы, в которых сопоставляются социологические концепции Сорокина и Вебера, однако в большинстве случаев это связано с сорокинской критикой Вебера в труде «Современные социологические теории» (Головин, 2021), либо относится к проблематике социологии революции (Ozhiganov, 2019). Социология права обоих авторов редко сравнивается непосредственно, чаще можно встретить сопоставление идей немецкого социолога с юридической концепцией учителя Сорокина, Л. И. Петражицкого, на идеях которого русско-американский ученый во многом основывался. Исследователи, как правило, ставят Вебера и Петражицкого в один ряд классиков социологии права (Cotterrell, 2005: 296), отмечая сходство их методологических подходов (Джонсон, 2012: 224; Тимошина, 2013: 92–96). С другой стороны, известно, что Вебер принципиально критиковал правовую концепцию Р. Штаммлера (Вебер, 2018: 33–38), другого правоведа, значительно повлиявшего на социологию права Сорокина. Таким образом, можно констатировать, что вопрос об общем соотношении социолого-правовых подходов Сорокина и Вебера не может быть решен простым указанием на сходство их методологии, необходимо прояснение различий данных концепций, а также причин, из которых данные различия проистекают.

Благодаря юридическому образованию (Сорокин, 1991: 59–61; Ионин, 2018: 7), полученному обоими исследователями, им были хорошо знакомы как теоретические работы представителей различных научных школ академической юриспруденции, так и конкретный эмпирический правовой материал. Заметные различия их теорий связаны не только с общими различиями их социологических систем, но и принципиально разными концептуальными основаниями социолого-правовых учений.

Разрешение вопроса о соотношении социолого-правовых концепций Сорокина и Вебера в дальнейшем позволит определить границы применимости и оценить целесообразность использования данных теорий в исследованиях, сочетающих нормативный и социологический анализ.

Понятие права у Сорокина

Существенное влияние на формирование представлений П. А. Сорокина о праве оказала психологическая теория права, детально разработанная Л. И. Петражиц-

ким (Тимошина, 2013), преподававшим в Санкт-Петербургском университете в период обучения Сорокина. Несмотря на то что психологическая теория права не получила прямого продолжения в трудах его учеников (за исключением работ польского правоведа Е. Ланде), она дала толчок к появлению в первой половине XX века особой научной школы — Петербургской школы философии права, важнейшими представителями которой помимо самого Л. И. Петражицкого была группа его учеников, включая П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева, Г. Д. Гурвича, Г. К. Гинса, М. Лазерсона и др. (Тимошина, 2010: 179–181). Специфическая правовая концепция Сорокина во многом представляет собой социологическую интерпретацию психологической теории права Петражицкого (Сорокин, 2018: 601).

Сорокин, в отличие от Петражицкого, понимал под правом не специфические эмоции², а совокупность правил поведения (норм), которые могут быть отграничены от других норм по своему содержанию. Таким содержательным³ отличием является установление прав и обязанностей. Как пишет исследователь: *любая норма поведения (действие, бездействие или терпение), которая предоставляет определенное право (объект права) одной стороне (субъекту права) и определенную обязанность (объект обязанности) другой стороне (субъекту обязанности), является правовой нормой* (Сорокин, 2018: 603) (курсив Сорокина. — А. К.).

Более точное определение правовой нормы делается Сорокиным через перечисление семи необходимых признаков, явно или неявно присутствующих в ней: 1) субъект права, 2) субъект обязанности, 3) объект права, 4) объект обязанности, 5) отсылка к источнику права, 6) дополнительное указание на время, место, условия, способ действия и другие условия и 7) адресат правовой активности (отличное от субъектов права и обязанности лицо, в пользу или против которого исполняются права и обязанности) (Сорокин, 2018: 603–605).

Первое и второе определения Сорокина связаны между собой, так как очевидно, что первые четыре признака второй дефиниции относятся к правам и обязанностям, шестой и седьмой — к родовому понятию правила поведения, а пятый не является обязательным, поскольку не выполняется для некоторых категорических норм (Сорокин, 2019: 56).

На первый взгляд широкое понимание права Сорокиным не коррелирует ни с юридическими, ни с большинством социолого-правовых исследований, для которых характерно более узкое понимание права — понимание, в большей степени соответствующее понятию официального права Сорокина (и отчасти Петра-

2. Л. И. Петражицкий считал право в первую очередь явлением индивидуальной психики. Ученый отстаивал существование особых, этических, эмоций, которые подразделял на правовые (императивно-атрибутивные) и нравственные (императивные) (Петражицкий, 2000: 67–85).

3. Сам Сорокин характеризует данный признак правовой нормы как «формальный», подразумевая, что значение имеет не конкретное содержание прав и обязанностей, а сам факт их установления (Сорокин, 2018: 602–603). Вместе с тем даже абстрактное указание на установление прав и обязанностей предполагает обращение к содержанию нормы (в отличие от рассматриваемого далее критерия принадлежности к определенному роду нормативной системе), поэтому мы будем характеризовать рассматриваемый критерий как содержательный, а не формальный.

жицкого). Вместе с тем содержательное понимание права позволяет решить одну из традиционных проблем правоприменения — восполнения пробелов в праве. Пробел в праве традиционно понимается в доктрине и определяется в законодательстве как ситуация, когда отсутствует норма закона или правового обычая, которая могла бы быть применена в данном деле (Васьковский, 2016: 369–370). Одна из основных проблем доктрины пробелов в праве заключается в сложности отделения собственно пробелов от отношений, не урегулированных (и не подлежащих регулированию) правом (Лазарев, 2019: 16–17). Наличие относящихся к спорной ситуации предоставительно-обязывающих социальных норм в смысле концепции Сорокина могло бы выступить в качестве практического критерия подобного разграничения.

Понятие права у Вебера

Для М. Вебера родовым по отношению к праву выступает понятие легитимного порядка. Порядок представляет собой «смысловое содержание социального отношения», выражающееся в «определенных максимах» (Вебер, 2016: 90), т. е. речь идет о нормах, на которые ориентируются социальные действия. Как отмечает немецкий социолог, можно «говорить о значимости порядка только в том случае, если ориентация на эти максимы имеет место... также и потому, что они “значимы”, т. е. рассматриваются участниками как обязательные или служащие в качестве образца» (Вебер, 2016: 90). Иными словами, порядок значим (действителен⁴), если соответствующие нормы фактически рассматриваются участниками социальных отношений как обязательные модели поведения.

Порядок должен называться правом (в отличие от конвенции), «если он внешне гарантирован вероятностью (физического или психического) *принуждения* путем действия *штаба* людей, *специально* предназначенного принуждать к соблюдению и карать за нарушение установленного порядка» (Вебер, 2016: 92). Ключевое значение в данном случае имеют понятия штаба и принуждения.

Штаб принуждения определяется Вебером как «группа людей, специально нацеленных на принуждение» (Вебер, 2016: 92) и понимается достаточно широко — таким штабом может быть не только суд, но и, например, род (в рамках кровной мести и т. п.), при условии существования «значимых порядков, определяющих способ его действия» (Вебер, 2016: 93). Примечательно, что международное право, по мнению немецкого исследователя, не подпадает под его понятие права в силу отсутствия штаба (Вебер, 2016: 93), хотя в теоретической литературе отмечается заметное сходство между так называемой техникой «самопомощи», используемой

4. В русском переводе «Хозяйства и общества» немецкое слово «Geltung» переводится как «значимость» или «эмпирическая значимость» (Ионин, 2018: 8). Вместе с тем в юридической научной литературе, где соответствующее понятие играет важную роль, устоялся перевод данного термина словом «действительность», которое мы будем преимущественно использовать в дальнейшем. О возможных интерпретациях понятия действительности права (Тимошина, Васильева, Кондуров, Краевский, 2021: 93–103).

международным правом, и правом кровной мести, характерным для древнего общества (Кельзен, 2023: 283–288).

Принуждение также понимается Вебером широко — к нему относится не только физическое принуждение, но и различные виды «мягкого принуждения», такие как «братское увещание» и «цензорское порицание». Решающее значение здесь имеет то, что средство принуждения применяется штабом и по определенным правилам (Вебер, 2016: 93). Важно отметить, что к праву ученый относит и нормы, связанные с принуждением лишь косвенно, такие как известные римскому праву *leges imperfectae* (законы, нарушение которых не делает акт ничтожным и не карается) и натуральные обязательства (Вебер, 2016: 93–94) (обязательства, лишённые судебной защиты). Не вполне ясно, что имеет в виду Вебер, когда указывает, что они «выражают ограничения или условия применения принуждения» (Вебер, 2016: 94), однако можно предположить, что он, подобно другому стороннику теории принудительности права Г. Кельзену (Кельзен, 2015: 69–70), интерпретировал натуральные обязательства как ограничения для исков из неосновательного обогащения, а *leges imperfectae* как разрешающие нормы, т. е. нормы, устанавливающие исключения из актуальных или потенциальных запретов.

Веберовское понимание права в целом коррелирует с пониманием права в юридической науке и полезно тем, что в силу акцента на принуждении подчеркивает такой аспект правовой сферы жизни общества, как эффективность действия юридических санкций.

Отличие права от иных нормативных систем

Наиболее явным образом различия в содержании используемых Сорокиным и Вебером понятий права проявляются в разграничении права и иных нормативных систем, проходящем для Сорокина на уровне отдельных норм, а для Вебера — на уровне нормативных систем (порядков) в целом.

Концепция П. А. Сорокина

Сорокин, исходя из своего содержательного определения права, основанного на идеях Петражицкого, сопоставляет правовые нормы с нормами нравственными, техническими, правилами этикета и моды, а также нормами религии, нравов (*mores*), народных обычаев и традиций.

Нравственные нормы отличаются от правовых односторонне-обязывающим характером своего содержания: они устанавливают только обязанности, но не субъективные права требовать их исполнения (Сорокин: 2018: 617). В качестве примеров нравственных норм Сорокин использует нормы Нагорной проповеди, такие как правило «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Матф. 5:39). Как отмечает исследователь: «Эти нормы только подталкивают и рекомендуют это поведение, но они не предоставляют никому права требо-

вать подставлять другую щеку или брать и верхнюю одежду или заставлять идти на поприще. Независимо от содержания, любая норма, которая является только императивной и не атрибутивной, которая только рекомендует определенное поведение, но не приписывает права требовать его никакому субъекту права, является нормой нравственности, и сильно отличается от правовых норм» (Сорокин, 2018: 617).

Следствием основного различия права и нравственности, по Сорокину, являются пять производных:

- 1) правовая норма может быть исполнена принудительно, нравственная норма может быть исполнена только добровольно;
- 2) правовая норма во многих случаях допускает замену субъекта, исполняющего обязанность, нравственная обязанность может быть исполнена только лично;
- 3) для права важен результат исполнения обязанности, в то время как для нравственности важен в первую очередь мотив;
- 4) исполнение правовой обязанности психологически рассматривается как нормальное поведение, в то время как исполнение нравственной обязанности вызывает эмоции восхищения и благодарности;
- 5) содержание правовой обязанности всегда ограничено и конкретно, в то время как степень возможного исполнения нравственной обязанности не ограничена (Сорокин, 2018: 617–618).

Отметим, что черты, приписываемые Сорокиным нравственности, в наибольшей степени соответствуют нормам христианской этики, выраженным в первую очередь в Нагорной проповеди и имеющим перфекционистский характер, в то время как для иных нормативных систем, обычно относимых к числу нравственных, например, ветхозаветного Декалога (Исх. 20:2–17), могут быть поставлены под сомнение, по меньшей мере третье, четвертое и пятое различия. Если же, вопреки традиционной точке зрения, рассматривать Десять заповедей как свод юридических правил, то под вопросом оказывается их соответствие первичному сорокинскому критерию разграничения права и нравственности — представительно-обязывающему характеру.

Технические нормы, правила этикета и правила моды, в отличие от правовых и нравственных норм, по мнению Сорокина, не содержат ни прав, ни обязанностей. Важная оговорка, однако, состоит в том, что в случае, если к таким правилам относятся как к императивно-атрибутивным или императивным, они становятся правовыми или нравственными соответственно (Сорокин, 2018: 619).

Данная оговорка, при ее буквальном понимании, не вполне соответствует определению права (правовой нормы), сформулированному Сорокиным, поскольку ставит характеристику нормы как правовой в зависимость не от ее содержания, а от того, как она психологически воспринимается своими адресатами. Как представляется, возможны два объяснения такого несоответствия. Либо в данном случае имеет место рудимент психологической теории права Петражицкого, либо Сорокин под изменением «рассмотрения» нормы подразумевал изменение ее содержания.

Другой вопрос, на который Сорокин прямо не отвечает, состоит в том, что представляет собой правило поведения как таковое — понятие, которое является родовым по отношению ко всем перечисленным категориям норм. Во всяком случае, не ясно, что делает технические нормы (вроде кулинарных рецептов (Сорокин, 2019: 35–36)), этикет и моду правилами при отсутствии идеи обязанности.

Нормы нравов (mores), народных обычаев и традиций, по мнению исследователя, представляют собой «смесь разнородных норм», в силу чего они могут быть как правовыми, так и нравственными или техническими (Сорокин, 2018: 619–620).

В принципе, исходя из сорокинского содержательного отличия правовых норм от иных видов правил поведения, любая нормативная система может включать в себя как правовые нормы, так и нормы нравственности, технические нормы и т. д.

Концепция М. Вебера

Понятие права как порядка в концепции Вебера сопоставляется с понятием *конвенции*, которое, в свою очередь, отграничивается от понятия *обычая*.

Обычай представляет собой укоренившуюся привычку, которая, в свою очередь, есть «фактически существующая вероятность регулярного воспроизведения установки социального действия... если и поскольку возможность ее существования в определенном круге людей обеспечивается только самим фактом повторения» (Вебер, 2016: 88). Ключевое отличие обычая от права и конвенции состоит в том, что обычаю подчиняются и ожидают того же от других «добровольно — просто не задумываясь, удобства ради или по каким-то еще причинам» (Вебер, 2016: 88). Иными словами, обычай не является обязывающим, «никто не требует его придерживаться» (Вебер, 2016: 88).

Конвенция, в значительной степени отождествляемая Вебером с моралью (Вебер, 2018: 32–33), представляет собой порядок, действительность которого «внешне гарантирована вероятностью в случае его нарушения столкнуться с (относительно) всеобщим и практически неощутимым неодобрением в определенном кругу лиц» (Вебер, 2016: 92). Отличие конвенции от обычая заключается в том, что она воспринимается определенной группой как действительная и «защищается от отклонений посредством неодобрения таковых» (Вебер, 2016: 92). От права же конвенция отличается отсутствием штаба, нацеленного на принуждение (Вебер, 2016: 92–93), т. е. реакция на отклонения от нее имеет децентрализованный характер. Таким образом, международное право и другие децентрализованные нормативные системы не будут правовыми в смысле концепции Вебера.

Различие между правом и конвенцией, по Веберу, не абсолютно: функционально право и конвенция довольно близки. Как пишет исследователь: «Многочисленные реально существующие объединения отказываются от правовой фиксации собственных конвенциональных порядков просто потому, что признают: одного только общественного неодобрения, зачастую сопровождаемого весьма реальны-

ми косвенными последствиями для нарушителей, в качестве санкций достаточно. Правовой порядок и порядок, основанный на конвенции, не говоря уж о многочисленных переходных формах между ними, ни в коей мере не являются для социологии принципиально противоположными друг другу, поскольку и конвенция поддерживается отчасти средствами психологического, а отчасти даже (по крайней мере, косвенно) и физического принуждения. Их различия состоят только в социологической *структуре* принуждения и связаны с отсутствием в случае конвенции специально подготовленных людей, содержащихся для целей силового принуждения, т. е. аппарата принуждения (жрецы, судьи, полиция, военные и т. д.)» (Вебер, 2018: 33–34).

Вместе с тем в силу указанных выше причин Вебер вынужден противопоставить обычай и обычное право (правовой обычай), поскольку последнее защищается аппаратом принуждения (Вебер, 2018: 27, 30), а значит, не может быть отнесено ни к обычаю, ни к конвенции. Подобный подход к обычному праву известен в теоретической юриспруденции как теория санкционирования обычая — обычай приобретает правовое значение в силу принятия сувереном (государством) в лице правоприменительного органа решения о его санкции (допущении) (Austin, 1875: 22; Алексеев, 1981: 315; Явич, 1976: 113). При этом стоит отметить, что классическая теория правового обычая, разработанная в рамках континентально-европейской доктрины римского права, предполагала, что обычай приобретает правовой характер не в силу решения органа власти, а в силу соответствия определенным критериям к регулярности совершаемых действий (материальный признак), уверенности лиц, соблюдающих обычай, в его обязательности (*opinio necessitatis*, или психологический признак) и согласия обычая с требованиями закона, разума и нравственности (Виндшейд, 1874: 40–45; Дернбург, 1906: 68–69). Критики теории санкции отмечали, что подобным же образом можно было бы утверждать, что законы приобретают юридический характер не в силу решения законодателя, а в силу решения суда об их применении (Кельзен, 2015: 285–286).

Организация группы и нормативная мотивация

Другое важное различие социолого-правовых подходов Сорокина и Вебера проявляется в вопросе об организационной функции права и значении нормативной мотивации.

Организационная функция права у Сорокина

Организационная функция права играет принципиально важную роль в социолого-правовой концепции Сорокина. Развивая идеи Р. Штаммлера (Штаммлер, 2010: 113) и Л. И. Петражицкого (Петражицкий, 2000: 165–181), русско-американский социолог помещает в центр своей концепции понятие организованной группы. По его мнению, социальная группа «является организованной, когда все действия

и реакции ее членов в их взаимоотношениях, равно как и со внешними субъектами и миром в целом ясно определены нормами права и производятся в соответствии с ними» (Сорокин, 2018: 600).

Раскрывая понятие определенности (детерминированности) поведения члена группы нормами, Сорокин поясняет, что нормы детально определяют: «а) каковы *права и обязанности* каждого члена; б) что, при каких условиях, в отношении кого и сколь много каждый из членов управомочен и обязан *делать или не делать, терпеть или не терпеть*; в) какие именно *функции или роли* члены должны исполнять; д) каков *статус* члена в системе взаимодействий, как он определен совокупностью его прав-обязанностей, функций и ролей» (Сорокин, 2018: 600). В результате такой нормативной детерминации поведения группа взаимодействующих индивидов превращается «в четко *дифференцированное и стратифицированное* сообщество, в котором каждый член исполняет специальное задание в общих функциях группы и в котором каждый занимает определенную позицию в иерархии властей» (Сорокин, 2018: 600).

Сорокин характеризует правовые нормы как «четкий и динамичный ориентир человеческого поведения и как сердце и душу организованной группы (социального института)» (Сорокин, 2018: 608). Для обоснования своей позиции он, следуя психологической теории права Петражицкого (Петражицкий, 2000: 21–57), разграничивает три основных вида человеческой мотивации — целевую, нормативную и аффективную («мотивацию вследствие»).

Нормативная мотивация отличается как от целевой мотивации человеческого поведения, так и от мотивации «вследствие». Она отличается от целевой мотивации, поскольку «многие правовые действия осуществляются без идеи будущей цели или задачи, без какого-либо будущего гедонистического, утилитарного или иного будущего возмещения» (Сорокин, 2018: 607). В отличие от мотивации «вследствие» нормативная мотивация самодостаточна и имеет определенную схему в соответствии с нормами, в то время как мотивация «вследствие» может «принимать любую форму в зависимости от природы предшествующего стимула» (Сорокин, 2018: 607–608).

По этой причине, по Сорокину, любая организованная группа (в том числе семья, государство, церковь, политическая партия, деловая фирма, школа и даже организованная преступная группа) является «не чем иным, как объективацией и материализацией соответствующих правовых норм и правовых предубеждений их членов или сильнейшей части оных». Как отмечает исследователь: «Их писанные или неписанные конституции — нормы и подзаконные акты — есть не что иное, как правовые предубеждения... Без них никакой порядок, никакая стабильная структура, никакое спокойное функционирование этих групп, более того, никакое непрерывное существование не было бы возможным» (Сорокин, 2018: 609).

В конечном счете, заключает Сорокин, «правовая норма не является ни простой формулой того или иного закона или «официального права»; ни «бесполезным и безжизненным вымыслом воображения юристов», но является могуще-

ственной живительной силой, постоянно действующей и управляющей в форме наших динамических правовых предубеждений массивом наших действий, определяемых, направляемых и «заправляемых» его «горючим» и, наконец, социализируемых и «отвердевших» в форме организованных групп или институтов... В этом смысле право является реальной силой, которая устанавливает, кристаллизует и ниспровергает все социальные институты, начиная от семьи и кончая государством-Левиафаном и даже всеми сверхгосударственными организациями» (Сорокин, 2018: 609).

Отстаиваемое Сорокиным представление о самодостаточности нормативной мотивации и ее способности детерминировать человеческое поведение, выступая его «четким и динамичным ориентиром», как представляется, неявно фокусируется на социальном значении активных юридических обязанностей (которым соответствуют права-требования в широком смысле), т. е. обязанностей совершить конкретные действия — передать вещь, выплатить долг, исполнить приговор суда и т.п. Подобные обязанности часто возникают на основании общих норм, определяющих полномочия органов власти и обязанности им подчиняться. Вместе с тем можно поставить вопрос о достаточности такой мотивации для детерминирования поведения лиц, уполномоченных выбирать тот или иной вариант собственных действий. По указанным причинам концепция нормативной мотивации Сорокина подходит для анализа действия норм публичного права, основанного на императивном методе правового регулирования, но не норм частного права, основанного на диспозитивных началах.

Нормативное регулирование как компонент действия у Вебера

В отличие от Сорокина, Вебер, напротив, во многом отталкивался от отрицания идей Штамmlера об особой организующей роли права. Веберовская критика теории Штамmlера в значительной степени может рассматриваться и как косвенная критика идей Сорокина и Петражицкого.

По мнению немецкого социолога, Штамmlер неверно оценивает роль нормативной мотивации в человеческом поведении: «Вера в правовую или конвенциональную обязательность определенного поведения представляет собой с точки зрения социологии всего лишь *superadditum*, добавление, повышающее вероятность, с какой действующий индивид может рассчитывать на определенные результаты своего действия» (Вебер, 2018: 34–35). По мнению Вебера, право или конвенция не определяет поведение, а только влияет на его мотивы — субъект в своих действиях учитывает их благодаря предоставлению определенных гарантий. Но сами по себе мотивы совершения ожидаемых действий (которые может гарантировать право или конвенция) могут быть совершенно разными. Как замечает ученый, «в понятийном смысле необязательно наличие какого-либо внешнего по отношению к обоим индивидам порядка, который гарантировал бы обмен или вынуждал бы к нему посредством аппарата принуждения или общественного неодобрения, так же как необязательно

и субъективное признание участниками какой-либо нормы как обязывающей или же вера в наличие такой нормы. Ведь участник обмена может полагаться, например, на эгоистический интерес другой стороны в продолжении отношений, который не даст нарушить обещание... или на какие-либо иные мотивы, побуждающие именно к такой линии поведения» (Вебер, 2018: 35).

Другой аспект проблемы, на который обращает внимание Вебер, состоит в том, что никакая ситуация не может быть полностью урегулирована правом, более того, «часто именно ключевые вопросы правового порядка, в остальном крайне рационализированного, юридически вообще не урегулированы» (Вебер, 2018: 37).

В качестве иллюстрации своей мысли Вебер приводит примеры пробелов в конституционном праве — отстранение королем всех министров без назначения новых и недостижение необходимого согласия по вопросу утверждения государственного бюджета (Вебер, 2018: 37). Вебер задает вопрос, почему такие пробелы не вызывают каких-либо проблем на практике, и отвечает на него путем указания на существование у соответствующих властных субъектов собственных интересов, исключающих практическую возможность такого рода проблем. Отсюда следует, что люди в своих ожиданиях относительно поведения других субъектов рассчитывают и могут рассчитывать не только и не столько на право, конвенцию и обычай, сколько на заинтересованность другого субъекта в ожидаемом поведении (Вебер, 2018: 37–38).

Представляется, однако, что приведенного исследователем аргумента не достаточно для обоснования столь сильного тезиса. С одной стороны, пробелы в конституционном праве не только могут, но и часто создают проблемы на практике, примером чему является известный казус с наследованием престола после смерти Петра I, когда в соответствии с указом императора престол должен был перейти к назначенному им наследнику, однако конкретный наследник не был назван (Юшков, 2003: 581–582). Поэтому, с другой стороны, конституционное законодательство стремится устранить такого рода неопределенности путем, например, временного сохранения за отстраненными должностными лицами их полномочий до назначения новых или сохранения бюджетных расходов в объеме, определенном бюджетом предыдущего года.

В конечном счете Вебер констатирует, что «правовой и равным образом конвенциональный порядок как консенсуального, так и рационально организованного действия в конкретных обстоятельствах и в принципе сознательно охватывает лишь фрагменты этих действий. Хотя ориентация действия общности на порядок и конститутивна для любого обобществления, аппарат принуждения не функционирует как таковой в отношении всей целостности долговременного организованного действия союза». Из этого социолог делает вывод, что «нормативное регулирование — важный, однако всего лишь каузальный *компонент* консенсуального действия, а не его универсальная *форма*» (Вебер, 2018: 38).

Таким образом, Вебер не считает нормативную мотивацию самодостаточной и предполагает, что право способно только влиять на человеческое поведе-

ние, но не детерминировать его. Представляется, что такое объяснение влияния нормативной мотивации хорошо согласуется с ситуациями, в которых управомоченное (или даже обязанное) лицо имеет возможность выбора модели своего поведения (в первую очередь в частном праве), однако может вызвать сомнения в казусах, такого выбора не предполагающих.

Заключение

Различия в подходах к понятию права, сформулированных П. А. Сорокиным и М. Вебером, приводят к существенным различиям в их представлениях о социальной роли права и правовой мотивации. Содержательное понятие права Сорокина, основанное на идее предоставительно-обязывающих норм, используется им для построения теории организованных групп, в основе которых лежат правовые нормы, определяющие взаимные права и обязанности участников группы и их статус, а также распределяющие властные полномочия. Самодостаточная нормативная мотивация постоянно присутствует в социальных действиях и упорядочивает социальные отношения.

Веберовское понятие права, связанное с понятием принуждения и вероятности его осуществления, играет лишь вспомогательную роль в отношениях, подпадающих под правовое регулирование. Нормативная мотивация не рассматривается им как самодостаточная, акцент делается на ее недостаточности для полного детерминирования социальных отношений.

Сравнение подходов двух выдающихся социологов позволяет предположить, что в фокусе их внимания находились разные типы нормативно урегулированного поведения. В центре анализа Сорокина — отношения, предполагающие активные обязанности, требующие совершения конкретных действий, в то время как Вебер сосредоточен на рамочной модели поведения управомоченного, предполагающей главным образом пассивные обязанности иных лиц (обязанности бездействия).

В целом можно сделать вывод, что концепция Сорокина в большей степени подходит для анализа действия норм публичного права (в части исследования мотивации поведения), а также может быть использована при определении границ сферы правового регулирования для восполнения пробелов в праве. Концепция Вебера, в свою очередь, скорее применима к анализу действия норм частного права, а также для исследования эффективности действия юридических санкций.

Литература

- Алексеев С. С. (1981). *Общая теория права*. В 2-х т. Т. 1. М.: Юридическая литература.
- Васьковский Е. В. (2016). *Теория толкования гражданского права. Очерк методологии цивилистической догматики* // Васьковский Е. В. *Избранные работы польского периода* / Пер. с польск. А. А. Богустова, Ю. В. Тая. М.: Статут. С. 236–517.

- Вебер М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 1. Социология / Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Вебер М. (2018). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 3. Право / Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Волков В. В. (2017). Эмпирическая социология права в условиях междисциплинарного синтеза // Социологические исследования. № 4. С. 34–42.
- Виндшейд Б. (1874). Учебник пандектного права. Т. 1. / Пер. с нем., под ред. С. В. Пахмана. СПб.: Изд. А. Гиероглифова и И. Никифорова.
- Дернбург Г. (1906). Пандекты. Т. 1 / Пер. с нем. Г. фон Рехенберга, под ред. П. Соколовского. М.: Унив. тип.
- Джонсон Г. М. (2012). Социология Л. Петражицкого в перспективе структурно-функциональной теории / Пер. с англ. А. А. Краевского // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Т. 304. № 5. С. 205–224.
- Ионин Л. Г. (2018). Предисловие научного редактора русского издания к тому III // Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии в 4 т. Т. 3. Право / Сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 6–16.
- Кельзен Г. (2015). Чистое учение о праве / Пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лезова. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс.
- Кельзен Г. (2023). Что такое справедливость? Справедливость, общество и политика в зеркале науки / Пер. с англ., под общ. ред. М. В. Антонова. СПб: Алеф-пресс.
- Лазарев В. В. (2019). Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Норма.
- Петражицкий Л. И. (2000). Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Издательство «Лань».
- Сорокин П. А. (2018). Организованная группа (институт) и правовые нормы / Пер. с англ. А. А. Краевского // Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / Под общ. ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета. С. 600–627.
- Сорокин П. А. (2019). Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства // Сорокин П. А. Популярныe очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар: ООО «Анбур». С. 21–192.
- Тимошина Е. В. (2013). Л. И. Петражицкий vs Е. Эрлих: два проекта социологии права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Т. 310. № 5. С. 77–96.
- Тимошина Е. В. (2010). Право как справедливость: концепция интуитивного права в школе Л. И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение. Т. 293. № 6. С. 179–195.
- Тимошина Е. В., Васильева Н. С., Кондуров В. Е., Краевский А. А. (2021). Три царства права: теоретические модели действительности и действительности права // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 3. С. 93–103.

- Фридман Л. М. (2014). Взросление: исследования права и общества вступают в эксклюзивный клуб / Пер. с англ. И. А. Емельянова // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / Науч. ред. Э. Л. Панеях; лит. ред. А. М. Кадникова. М.: Статут. С. 184–201.
- Штаммлер Р. (2010). Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование / Пер. с нем. 2-е изд. М.: КРАСАНД.
- Эрлих О. (2011). Основоположение социологии права / Пер. с нем. М. В. Антонова; под ред. В. Г. Графского, Ю. И. Гревцова. СПб.: Университетский издательский консорциум.
- Юшков С. В. (2003). История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов-на-Дону: Феникс.
- Явич Л. С. (1976). Общая теория права. Л.: Издательство Ленинградского университета.
- Austin J. (1875). *Lectures on Jurisprudence and Philosophy of Positive Law*. Jersey City: Frederic D. Linn & Company.
- Cotterrell R. (2005). *Law's Community: Legal Theory in Sociological Perspective*. Oxford: Clarendon Press.
- Ozhiganov E. (2019). Weber's and Sorokin's Analytical Treatment of the Russian Revolutions // *Russian sociological review*. Vol. 18. № 2. P. 120–137.
- Romano S. (2017). *The Legal Order* / ed. and transl. by Mariano Croce. London: Routledge.
- Sorokin P. A. (1962). *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. New York: Cooper Square Pub.
- Weinberger O. (1991). *Law, Institution and Legal Politics: Fundamental Problems of Legal Theory and Social Philosophy*. Dordrecht: Springer.

The Conceptual Foundations of the Sociology of Law by Pitirim Sorokin and Max Weber

Arseny Kraevsky

PhD in Law; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law. *Saint Petersburg State University*

Address: 7–9, Universitetskaya Nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: a.krajewski@yandex.ru

The socio-legal theories of P. A. Sorokin and M. Weber are common in belonging to the normativist trend in the sociology of law. To determine the limits of their applicability to the analysis of the operation of legal norms, it is necessary to clarify the reasons for their differences. The notable differences between both theories are connected not only with the general differences in corresponding sociological systems, but also with fundamentally different conceptual foundations of socio-legal doctrines. The Russian-American sociologist P. A. Sorokin, in developing the ideas of L. I. Petrażycki, considered law as a set of norms with a certain content which indicates the

permitted and proper behavior by means of the distribution of rights and obligations, which are always thought to be inextricably linked. This understanding of legal norms allows us to meaningfully separate them from the norms of morality, etiquette, technical norms, and rules of fashion. A key feature of law as a special kind of legitimate order for Weber is its coercion, ensured by the staff, i.e., a group of people specifically aimed at forcing compliance with the order. In contrast to Sorokin, Weber believed that law and other related phenomena are distinguished not at the level of individual norms, but at the level of normative systems (orders). Sorokin focused on organized groups, the skeleton of which are the norms that both determine the behavior of group members and create its structure. Contrary to Sorokin, Weber believes that normative motivation is only able to influence human behavior, but not to determine it. The difference in the researchers' perceptions of the importance of normative motivation may be related to the focus on active duties in the case of Sorokin and on the framework model of the behavior of the empowered person in Weber's case.

Keywords: sociology of law, concept of law, organizational function of law, normative motivation, P.A. Sorokin, M. Weber

References

- Alekseev S. S. (1981) *Obshhaja teorija prava. V 2 t. T. 1.* [General Theory of Law. In 2 vol. V. 1], Moscow: Juridicheskaja literatura.
- Austin J. (1875) *Lectures on Jurisprudence and Philosophy of Positive Law*, Jersey City: Frederic D. Linn & Company.
- Cotterrell R. (2005) *Law's Community: Legal Theory in Sociological Perspective*, Oxford: Clarendon Press.
- Dernburg H. (1906) *Pandekty. T. 1.* [Pandects. V. 1], Moscow: Univ. tip.
- Ehrlich O. (2011) *Osnovopolozhenie sotsiologii prava* [Foundations of the sociology of law], Saint Petersburg: Universitetskii izdatel'skii konsortium.
- Friedman L. M. (2014) Vzroslenie: issledovanija prava i obshhestva vstupajut v jekskljuzivnyj klub [Coming of age: Law and Society enters an exclusive club]. *Pravo i pravoprimenenie v zerkale social'nyh nauk: hrestomatija sovremennyh tekstov* [Law and application of law in the mirror of social sciences: digest of modern texts], Moscow: Statut, pp. 184–201.
- Ionin L. G. (2018) Predislovie nauchnogo redaktora russkogo izdanija k tomu III [Foreword by the scientific editor of the Russian edition of Volume III]. Weber M. *Hozhajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii v 4 t. T. 3. Pravo* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology in 4 vol. V. 3. Law], Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, pp. 6–16.
- Javich L. S. (1976) *Obshhaja teorija prava* [General Theory of Law], Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.
- Johnson H. M. (2012) Sociologija L. Petrazhickogo v perspektive strukturno-funkcional'noj teorii [Petrażycki's Sociology in the Perspective of Structural-Functional Theory]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, vol. 304, no 5, pp. 205–224.
- Jushkov S. V. (2003) *Istorija gosudarstva i prava Rossii (IX–XIX vv.)* [History of Russian Law and State (IX–XIX cent.)], Rostov-na-Donu: «Feniks».
- Kelsen H. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law], Saint Petersburg: Izd. dom «Alef-Press.
- Kelsen H. (2023) *Chto takoe spravedlivost'? Spravedlivost', obshhestvo i politika v zerkale nauki* [What is Justice? Justice, Society and Politics in the Mirror of Science], Saint Petersburg: Alef-press.
- Lazarev V. V. (2019) *Probely v prave i puti ikh ustraneniya* [Gaps in law and the ways of their filling of]. Moscow: Norma.
- Petrażycki L. I. (2000) *Teorija prava i gosudarstva v svyazi s teoriej npravstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality], Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Lan'».
- Ozhiganov E. (2019) Weber's and Sorokin's Analytical Treatment of the Russian Revolutions. *Russian Sociological Review*, vol. 18, no 2, pp. 120–137.
- Sorokin P. A. (2018) Organizovannaja gruppa (institut) i pravovye normy [The Organized Group (Institution) and Law Norms]. *Peterburgskaja shkola filosofii prava. K 150-letiju so dnja rozhdenija*

- L'va Petrazhickogo* [Saint Petersburg School of Legal Philosophy: to the 150th anniversary of the birth of Leon Petrażycki] (ed. A.V. Poljakov, E.V. Timoshina), Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 600–627.
- Sorokin P.A. (2019) *Jelementarnyj uchebnik obshhej teorii prava v svjazi s teoriej gosudarstva* [Elementary textbook of general theory of law in connection with the theory of state]. Sorokin P.A. *Populjarnye ocherki teorii prava, sociologii i social'noj pedagogiki* [Popular outlines of the theory of law, sociology and social pedagogy], Syktyvkar: OOO «Anbur», pp. 21–192.
- Sorokin P.A. (1962) *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*, New York: Cooper Square Pub.
- Timoshina E.V. (2013) L.I. Petrazhickij vs. E. Jerlih: dva proekta sociologii prava [L. Petrażycki vs. E. Ehrlich: Two Projects of the Sociology of Law]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, vol. 310, no 5, pp. 77–96.
- Timoshina E.V. (2010) Pravo kak spravedlivost': koncepcija intuitivnogo prava v shkole L. I. Petrazhickogo [Law as Justice: the Concept of Intuitive Law in the School of L. Petrażycki]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, vol. 293, no 6, pp. 179–195.
- Romano S. (2017) *The Legal Order*, London: Routledge.
- Timoshina E.V., Vasil'eva N. S., Kondurov V. E., Kraevskij A. A. (2021) Tri carstva prava: teoreticheskie modeli dejstvitel'nosti i dejstvennosti prava [Three Realms of Law: Theoretical Models of Legal Validity and Efficacy]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*, no 3, pp. 93–103.
- Stammler R. (2010) *Hozjajstvo i pravo s točki zrenija materialisticheskogo ponimanija istorii: Social'no-filosofskoe issledovanie* [Economy and Law from the Perspective of a Materialist Understanding of History: A Socio-Philosophical Study], Moscow: KRASAND.
- Weber M. (2016) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii v 4 t. T. 1. Sociologija* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology in 4 vol. V. 1. Sociology], Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.
- Weber M. (2018) *Hozjajstvo i obshhestvo: ocherki ponimajushhej sociologii v 4 t. T. 3. Pravo* [Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology in 4 vol. V. 3. Law], Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.
- Vaskovskii E.V. (2016) *Teoriya tolkovaniya grazhdanskogo prava. Ocherk metodologii tsivilisticheskoi dogmatiki* [Theory of civil law interpretation. Outline of the methodology of civil law dogmatics]. Vaskovskii E.V. *Izbrannye raboty pol'skogo perioda* [Selected works of Polish time], Moscow: Statut, pp. 236–517.
- Volkov V.V. (2017) *Empiricheskaja sociologija prava v uslovijah mezhdisciplinarnogo sinteza* [The empirical sociology of law in the context of interdisciplinary synthesis]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological studies], no 4, pp 34–42.
- Weinberger O. (1991) *Law, Institution and Legal Politics: Fundamental Problems of Legal Theory and Social Philosophy*, Dordrecht: Springer.
- Windsheid B. (1874) *Uchebnik pandektnogo prava. T. 1* [Textbook of Pandect Law. V. 1], Saint Petersburg: Izd. A. Gieroglifova i I. Nikiforova.